

2

№ 329
К 83

335.8
К. 839

П. Крапоткинъ.

Угнетенные — противъ
угнетателей всегда.

Handwritten vertical text, possibly "Копия"

АРХИВ

1904 г.

Жизненные припасы
и Соціальная революція.

50793
05540614

Handwritten scribble

Ц Б Н А 20 коп.

25

КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ
ИЗДАНИЕ СВЕРДЛОВСК

Ассоциаци Анархистовъ Урапа.

1918 годъ.

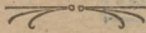
335-8 экз 4

Вышли изъ печати слѣдующіе брошюры:

Крапоткинъ — Жизненные припасы и соціальная революція.

Бартоло — Евангеліе Часа.

Д. Эдельштандръ — Анархизмъ-Коммунизмъ.
Новая нагорная проповѣдь.

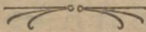

Готовятся къ печати:

Крапоткинъ — Отъ довольства къ роскоши.

Его-же — Сельское хозяйство и соціальная революція.

Э. Реклю — Моему брату крестьянину.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

Екатеринбургъ, Златоустовская ул.

д. Желѣзнава.

227
K83

Жизненные припасы и социальная революція.

Если будущая революція будетъ, дѣйствительно, революціей социальной, она будетъ отличаться отъ предыдущихъ движеній не только по своимъ цѣлямъ, но и по своимъ приемамъ. Новая цѣль потребуеть и новыхъ средствъ.

Мы видѣли три крупныхъ народныхъ движенія во Франціи в теченіе этого вѣка; они различались между собою во многихъ отношеніях, но всѣ три имѣли одну общую черту. Всякій разъ народъ смѣло боролся ради сверженія стараго порядка, проливал свою драгоцѣнную кровь, но затѣмъ, употребив на это всѣ силы, отступалъ самъ на задній планъ. Тогда образовалось правительство изъ людей болѣе или менѣе честныхъ, которое и брало на себя задачу, или организовать Республику, какъ въ 1793 году, или организовать трудъ, какъ въ 1848, или организовать свободную коммуну, какъ въ 1871 г.

Проникнутое насквозь якобинскими идеями, это правительство заботилось, прежде всего, о вопросахъ политическихъ: о перестройкѣ правительственнаго механизма, объ улучшеніяхъ въ составѣ чиновниковъ, объ отдѣленіи Церкви отъ Государства, о политическихъ правахъ и т. п. Правда, рабочіе клубы зорко слѣдили за новыми правителями и часто заставляли ихъ дѣйствовать по свое

Шл. А885

торствовали ли тамъ буржуа или рабочіе — праобладало буржуазное направленіе: въ нихъ говорилось очень много о политическихъ вопросахъ, и оставлялся въ сторонѣ вопросъ о хлѣбѣ.

Великія идеи, перевернувшія міръ, были высказаны въ эти революціонныя эпохи; впервые произнесены были слова, до сихъ поръ еще, черезъ сто лѣтъ, заставляющія биться наши сердца. Но въ рабочихъ кварталахъ народъ продолжалъ голодать!

Какъ только вспыхивала революція, работа неизбѣжно пріостанавливалась: Движеніе товаровъ прекращалось, капиталы скрывались. Фабриканту это было не важно; если онъ и не наживался съ чужой бѣдности, то жилъ на свою ренту; но рабочему приходилось перебиваться изо-дня-на-день. Голодь закрадывался въ его конуру.

Народъ начиналъ бѣдствовать, и нужда, которую онъ терпѣлъ, становилась даже сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было при старыхъ порядкахъ.

„Это жирондисты морятъ насъ съ голоду“, говорили, въ 1793 году, рабочіе въ предмѣстьяхъ. Жирондистовъ гильотинировали и власть переходила въ руки Горы, въ руки Парижской Коммуны — Маратистовъ. Эти послѣдніе, дѣйствительно, заботились о хлѣбѣ и употребляли героическія усилія, чтобы прокормить Парижъ. Въ Ліоне, Руссе и Колло д'Эрбуа устроили запасные магазины, но они располагали слишкомъ незначительными средствами, чтобы наполнить ихъ. Городскіе Совѣты дѣлали все возможное, чтобы достать хлѣба: торговцевъ, которые прятали муку, вѣшали, — а хлѣба все-таки не было!

Тогда взваливали вину на королевскихъ заговорщиковъ. Ихъ гильотинировали — по двѣнадцати, по пятнадцати челорѣкъ въ день — служа-

нокъ и герцогиня,—особенно служанокъ, такъ какъ герцогини были въ Кобленцѣ. Но если бы даже гильотинировали посто герцоговъ и графовъ въ день, то и это ничему бы не помогло.

Нужда все росла. Что могла помочь лешняя тысяча труповъ, когда для того, чтобы жить, нужно были получать плату за трудъ, а этой платы не было?

Тогда народъ начиналъ разочаровываться.— „Хороша ваша революція!“ нашептывали рабочимъ господа реакціонеры. „Такой нещеты прежде не было!“ И вотъ, мало-по-малу, богачи приободрились, выходили изъ своихъ убѣжищъ и еще болѣе раздражали бѣдняковъ видомъ своей роскоши. „Невозможные“, т.-е. богатые щеголи, наряженные въ самые невѣроятные наряды, появлялись на улицѣ, смѣло вызывая революціонеровъ и твердили рабочимъ: „Полно, наконецъ, заниматься глупостями! Ну, что вы выиграли отъ Революціи? Пора все это бросить!“

Сердце сжималось у революціонеровъ.— „Опять революція погибла!“, говорили они между собой и уходили въ свои норы, предоставляя событіямъ идти своимъ чередомъ.

Тогда являлась реакція, открытая и высокомерная, и совершала свой государственный переворотъ. Революція была убита, оставалось только растоптать ея трупъ. И чего только не дѣлали съ этимъ трупомъ! Кровь лилась ручьями, бѣлый терроръ рубилъ головы уже тысячами, наполнялъ тюрьмы, а оргіи богачей начинались, еще болѣе буйныя и вызывающія, чѣмъ когда-либо.

Таковъ былъ ходъ всѣхъ французскихъ революцій. Въ 1848-мъ году парижскій рабочій отдавалъ въ распоряженіе республики „три мѣсяца нужды“, а когда черезъ три мѣсяца ему уже не было возможности больше терпѣть, онъ слѣлалъ

послѣднее усиліе—и это усиліе было затоплено въ потокахъ крови.

Въ 1871 году Коммуна гибла отъ отсутствія борцовъ за нее. Она не забыла провозгласить отдѣленіе Церкви отъ Государства, но слишкомъ поздно позаботилась о томъ, чтобы обезпечить для всѣхъ хлѣбъ. Въ самый разгаръ борьбы, богатые господа въ Парижѣ потѣшались надъ коммунарами, говоря имъ: “Чтожъ, идите, глухие вы люди, защищать стѣны и рисковать жизнью за тридцать су (полтинникъ) въ день, пока мы будемъ себѣ кутить по моднымъ ресторанамъ!” Только въ послѣдніе дни эта ошибка была понята и начали устраивать вольныя столовыя на средства Коммуны; но тогда уже было поздно: версальцы уже вступили въ парижскія укрѣпленія.

— „Хлѣба! Хлѣба, прежде всего! Революціи нуженъ хлѣбъ!“

Пусть занимается кто хочетъ разсылкой громкихъ циркуляровъ съ трескучими фразами! Пусть кто хочетъ надѣваетъ на себя сколько угодно гадуновъ! Пусть кто хочетъ разсуждаетъ о политическихъ правахъ!..

Наше дѣло будетъ устроить такъ, чтобы съ первыхъ же дней революціи и во все время пока она будетъ продолжаться, на пространствѣ охваченномъ возстаніемъ, не было ни одного человѣка, страдающаго отъ недостатка хлѣба, ни одной женщины, которой пришлось бы ждать своей очереди у булочныхъ, пока ей бросятъ, какъ милостыню, кусокъ хлѣба изъ отрубей; ни одного ребенка, у котораго бы не было того, чего требуетъ его слабый организмъ.

Задачею буржуазіи было разсуждать во время революцій о великихъ принципахъ, или, вѣрнѣе, о великихъ обманахъ. Задача же народа будетъ въ томъ, чтобы хлѣбъ обезпечить всѣмъ и каждому. Въ то время, какъ буржуа и о буржуазившіеся

рабочіе будутъ играть въ великихъ людей въ своихъ говорильняхъ, пока „практическіе люди“ будутъ вести безконечныя разсужденія о формахъ правленія,—намъ, „утопистамъ“, придется позаботиться о хлѣбѣ насущномъ.

Да, мы имѣемъ дерзость утверждать, что всякій долженъ и можетъ быть сытымъ, и что Революція побѣдитъ именно тѣмъ, что обезпечитъ хлѣбъ для всѣхъ.

II.

Что мы „утописты“—это всѣмъ извѣстно. Мы, дѣйствительно, настолько утописты, что рѣшаемся утверждать, что революція должна и можетъ, обезпечить каждому помѣщеніе, одежду и хлѣбъ,—и это, конечно, очень не нравится всѣмъ—краснымъ и синимъ—буржуа, которые отлично знаютъ, что если народъ будетъ сытъ, то справиться съ нимъ будетъ очень трудно.

Да, мы упорно настаиваемъ на этомъ: возставшему народу нужно обезпечить хлѣбъ, и вопросъ о хлѣбѣ долженъ быть поставленъ прежде всего. Если онъ разрѣшится въ интересахъ народа, революція окажется на вѣрномъ пути, потому что для рѣшенія вопроса о пропитаніи необходимо будетъ признать принципъ равенства, помимо котораго рѣшенія быть не можетъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что будущая революція разразится—какъ было съ революціей 1848 года—во время какого нибудь крупнаго промышленнаго кризиса. За послѣдніе 30 лѣтъ, промышленность все время перебивается кое-какъ между тучныхъ и голодныхъ лѣтъ, и это положеніе можетъ только ухудшиться; все способствуетъ этому:—конкуренція молодыхъ странъ, выступающихъ на сцене въ борьбѣ за старые рынки, войны, все-растущіе налоги и государственные долги, неувѣренность въ будущемъ, крупныя предпріятія въ отдаленныхъ странахъ.

Милліоны европейскихъ рабочихъ постоянно находятся безъ работы, и въ тотъ моментъ, когда революція вспыхнетъ и начнетъ распространяться, какъ огонь, вспыхнувшій въ порохѣ, общее положеніе промышленности можетъ только ухудшиться. Какъ только въ Европѣ или въ Соединенныхъ штатахъ появятся баррикады, число рабочихъ безъ работы удвоится. Что же дѣлать, чтобы прокормить всю эту массу людей?

Не знаю, задавались ли когда-нибудь этимъ вопросомъ, во всей его неумолимости, такъ называемые „практическіе“ люди? Но мы знаемъ навѣрное, что они хотятъ сохранить *наемный трудъ*, а потому, по всей вѣроятности, для доставленія хлѣба безработнымъ, они станутъ проповѣдывать какія-нибудь „національныя мастерскія“, или „общественныя работы“.

Національныя мастерскія открывали уже въ 1789 и 1793 годахъ: къ тому же средству прибѣгли въ 1848 году; затѣмъ Наполеону III удалось, въ теченіе восемнадцати лѣтъ сдерживать парижскій пролетаріатъ, занимая его перестройкой Парижа,—чему Парижъ обязанъ своимъ двухмилліоннымъ долгомъ и городскимъ налогомъ въ 90 франковъ съ человѣка. Тѣмъ же прекраснымъ средствомъ для „обузданія звѣря“ пользовались еще въ Римѣ и даже въ Египтѣ, четыре тысячи лѣтъ тому назадъ; наконецъ всѣ деспоты, короли и императоры, во всѣ времена, отлично умѣли во-время бросить народу кусокъ хлѣба, чтобы воспользоваться передышкой и, тѣмъ временемъ, снова взяться за хлысть. Совершенно естественно поэтому, что „практическіе“ люди будутъ проповѣдывать тотъ же самый наемный трудъ. Стоитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, ломать себѣ голову, когда подъ руками есть средство, которымъ пользовались еще египетскіе фараоны.

Но если только революція вступитъ на этотъ путь—она погибла.

— 9 —

Когда въ 1848-мъ году открыли, 27 февраля, національныя мастерскія, въ Парижѣ было всего восемь тысячъ рабочихъ безъ работы. Черезъ двѣ недѣли ихъ уже было 49.000 и было бы, вѣроятно, скоро сто тысячъ, не считая тѣхъ, которые сбѣгались въ Парижъ изъ провинціи.

Но въ 1848-мъ году промышленность и торговля не занимали во Франціи и половины того количества рабочихъ рукъ, которое онѣ занимаютъ теперь. Извѣстно, съ другой стороны, что во всякой революціи страдаютъ больше всего именно обмѣнъ и промышленность. Подумайте только, сколько рабочихъ работаютъ, прямо или косвенно, для вывоза, сколько рабочихъ занято въ производствѣ предметовъ роскоши, имѣющихъ сбытъ среди меньшинства буржуазіи

Революція въ Европѣ, это—немедленное прекращеніе работы по крайней мѣрѣ половины всѣхъ фабрикъ и заводовъ. Это—милліоны рабочихъ, выброшенныхъ на улицу вмѣстѣ со своими семьями.

И вотъ этому-то поистинѣ ужасному положенію хотятъ помочь національными мастерскими, т.-е. созданіемъ новыхъ промышленныхъ предпріятій для доставленія работы безработнымъ.

Нѣтъ сомнѣнія,—и это говорилъ еще Прудонъ,—что малѣйшій захватъ частной собственности произведетъ полную дезорганизацію всего нашего строя, основаннаго на частной собственности, частныхъ предпріятійхъ и наемномъ трудѣ. Прятать голову, какъ страусъ, жить иллюзіями, воображать, что во время революціи фабрики будутъ работать по старому, и что къ нимъ будутъ приливать заказы по старому—просто постыдно. Ничего этого не будетъ, и общество будетъ *вынуждено* взять въ свои руки все производство, въ цѣломъ, и перестроить его соответственно *потребностямъ* всею населенія. Но такъ какъ эта перестройка не можетъ совершиться въ одинъ день

или даже въ одинъ мѣсяць, а потребуеть годъ или годы для приспособленія къ новымъ условіямъ—а въ это время милліоны людей будутъ лишены всякихъ средствъ къ существованію,—то является вопросъ: Что дѣлать?

При такихъ условіяхъ возможно только одно, дѣйствительно *практическое* рѣшеніе вопроса. Оно состоитъ въ томъ, чтобы признать всю трудность предстоящей задачи и, вмѣсто того, чтобы поддерживать положеніе вещей, которое сама революція сдѣлаетъ невозможнымъ—заняться перестройкой производства на совершенно новыхъ началахъ.

Чтобы поступить практически, нужно, слѣдовательно, по нашему мнѣнію, чтобы народъ немедленно же завладѣлъ всѣми *продуктами*, имѣющимися въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ вспыхнула революція, составилъ имъ опись и чтобы онъ устроился такъ, чтобы ничего не пропадало даромъ, но чтобы всѣ могли воспользоваться имѣющимися накопленными продуктами и, такимъ образомъ, пережить критическій періодъ. И въ это время,—обеспечивъ существованіе всѣхъ на нѣсколько мѣсяцевъ впередъ—нужно фабричнымъ рабочимъ доставить сырой матеріалъ, котораго у нихъ нѣтъ въ запасѣ, обеспечить такимъ образомъ ихъ существованіе въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и направить работу на производство предметовъ, настоятельно необходимыхъ массѣ крестьянъ. Не нужно, въ самомъ дѣлѣ, забывать, что хотя Франція производитъ шелка для нѣмецкихъ банкировъ и для императрицъ Россійскихъ и Сандвичевыхъ острововъ, и хотя Парижъ выдѣлываетъ всевозможныя бездѣлушки для богачей всего міра, у двухъ третей французскихъ крестьянъ нѣтъ ни порядочной лампы для освѣщенія ихъ хижины, не усовершенствованныхъ

земледѣльческихъ орудій, безъ которыхъ въ настоящее время, путное земледѣліе невозможно.

Наконецъ, нужно будетъ сдѣлать годными для обработки тѣ земли, которыя теперь ничего не производятъ (а такихъ земель еще очень много), и улучшить тѣ, которыя не производятъ даже четверти, даже десятой доли того, что онѣ могли бы производить, если бы ихъ отдать подъ усиленную, огородную и садовую обработку.

Это—единственное практичное рѣшеніе вопроса, которое мы можемъ указать, рѣшеніе, которое волей-неволей придется принять—въ силу самаго хода вещей.

III.

Выдающейся, отличительной чертою современнаго капиталистическаго строя является наемный трудъ.

Лицо, или группа лицъ, владѣющихъ нужнымъ капиталомъ, основываютъ промышленное предпріятіе, берутъ на себя доставку сырого матеріала для фабрики или завода, организацію производства, продажу продуктовъ и платятъ рабочимъ извѣстную опредѣленную плату; сами же они получаютъ всю прибыль, подъ тѣмъ предлогомъ, что она представляетъ вознагражденіе за ихъ трудъ управленія, за ихъ рискъ и за колебаніе рыночныхъ цѣнъ на данный товаръ.

Такова, въ немногихъ словахъ система *наемнаго труда*.

Чтобы сохранить ее, современные владѣльцы капитала готовы пойти на нѣкоторыя уступки, на примѣръ, подѣлить съ рабочими часть прибыли, или устроить подвижную шкалу заработной платы, такъ, чтобы плата рабочаго поднималась, когда поднимается доходъ предпріятія. Однимъ словомъ, они готовы согласиться на нѣкоторыя „жертвы“, лишь бы только имъ оставили право

управлять промышленностью и получать съ нея доходъ.

Коллективизмъ, какъ извѣстно, вноситъ въ этотъ порядокъ существенныя измененія, но сохраняетъ, однако, наемный трудъ. Только на мѣсто частнаго хозяина становится Государство, т.-е. выборное правительство—для всей націи, или городское. Во главѣ управленія промышленностью становятся депутаты—представители націи или города и ихъ уполномоченные,—ихъ чиновники. Они же оставляютъ за собою и право расходовать въ интересахъ всѣхъ получаемую прибыль. Кромѣ того, въ этой системѣ коллективизма устанавливается очень тонкое различіе между трудомъ чернорабочаго и трудомъ человѣка, прошедшаго черезъ предварительное обученіе: трудъ перваго представляетъ собою, съ точки зрѣнія коллективиста, трудъ простой, тогда какъ ремесленникъ, инженеръ, ученый и т. п. занимаются трудомъ, который коллективисты называютъ трудомъ сложнымъ, и поэтому имѣютъ право на болѣе высокую заработную плату. Но всѣ они—чернорабочіе и инженеры, ткачи и ученые—наемники государства, „всѣ—чиновники“, какъ сказалъ недавно одинъ изъ коллективистовъ,—чтобы позолотить пилюлю.

Самая большая услуга, кокорую будущая Революція сможетъ оказать человѣчеству, будетъ заключаться именно въ томъ, чтобы создать такое положеніе вещей, гдѣ всякая форма наемнаго труда станетъ невозможной и неосуществимой, и гдѣ единственнымъ подходящимъ рѣшеніемъ вопроса явится коммунизмъ, т.-е. именно отсутствіе наемнаго труда.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы даже допустимъ, что въ спокойный періодъ измѣненіе въ коллективистическомъ направленіи возможно, (въ чемъ мы, впрочемъ, даже при этихъ условіяхъ, сильно сомнѣваемся), то въ періодъ революціонный оно сдѣ-

дается невозможнымъ, потому что, послѣ первой же схватки возникаетъ тотчасъ же необходимость прокормить милліоны человѣческихъ существъ. Революція политическая можетъ произойти не внося нарушеній въ ходъ промышленности, но революція, при которой народъ завладѣетъ собственностью, неизбежно вызоветъ тотчасъ же приостановку въ обмѣнѣ и производствѣ, и никакихъ милліоновъ государства не хватитъ для обезпеченія заработной платы милліонамъ оставшихся безъ работы рабочихъ.

Повторяемъ: преобразование промышленности на новыхъ началахъ (а какъ обширна эта задача —мы увидимъ ниже) не можетъ произойти въ нѣсколько дней, а пролетаріатъ не сможетъ предложить цѣлые годы голодовки къ услугамъ теоретиковъ наемнаго труда. Чтобы пережить эпоху кризиса, онъ потребуетъ того, чего требовалъ всегда въ подобныхъ случаяхъ: обращеніе всѣхъ предметовъ потребленія въ общую собственность, распределенія ихъ между всѣми.

Сколько бы не проповѣдывали народу терпѣніе, онъ терпѣть не станетъ, и если все, что нужно для жизни—и хлѣбъ прежде всего—не будетъ обращено въ общую собственность, онъ начнетъ грабить булочные. И тогда, если народъ не будетъ въ силѣ, его начнутъ разстрѣливать.

Для того, чтобы коллективизмъ могъ сдѣлать попытку практическаго осуществленія, ему нуженъ прежде всего *порядокъ*, дисциплина, повиновеніе. А такъ какъ капиталисты быстро замѣтятъ, что заставить стрѣлять въ народъ людей, пазывающихъ себя революціонерами, есть самое лучшее средство возбудить въ народѣ вражду къ революціи, то они, не сомнѣнно, будутъ поддерживать защитниковъ „порядка“; даже если они коллективисты. Они увидятъ въ этомъ средство уничтожить впослѣдствіи и самихъ коллективистовъ.

А разъ „порядокъ возстановленъ“, дальнѣйшія послѣдствія предвидѣть не трудно. Разстрѣливать будутъ не однихъ только „воровъ“: придется доискиваться и до „виновниковъ беспорядковъ“, возстановить судъ и гильотину, и самые горячіе революціонеры погибнутъ на эшафотѣ. Совершится повтореніе 1793 года.

Вспомнимъ какимъ образомъ восторжествовала реакція въ прошломъ вѣкѣ. Прежде всего гильотинировали Эбергистовъ, самыхъ ярыхъ—тѣхъ, кого Мнѣе, еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ борьбы, называлъ „анархистами“. За ними скоро нослѣдовали сторонники Дантона, а когда робеспьеровцы гильотинировали всѣхъ этихъ революціонеровъ, то и имъ самимъ пришла очередь всходить на эшафотъ. И тогда разочаровавшись во всемъ, и видя, что революція погибла, народъ предоставилъ поле дѣйствій реакціонерамъ.

И вотъ, разъ порядокъ будетъ „возстановленъ“, коллективисты прежде всего гильотинируютъ анархистовъ, затѣмъ посябисты гильотинируютъ коллективистовъ, которые въ свою очередь, будутъ гильотинированы реакціонерами. Революцію придется начинать сначала.

* * *

Но есть основаніе думать, что вліяніе народа окажется *достаточно* сильнымъ, и что къ тому времени, кода произойдетъ революція, идея анархическаго коммунизма успѣетъ разпространиться. Эта идея—не праздное измышленіе: ее подсказалъ намъ самъ народъ, и число коммунистовъ будетъ все расти по мѣрѣ того, какъ невозможность всякаго другого выхода будетъ становиться все болѣе очевидной. Если коммунистическое вліяніе окажется достаточно сильнымъ, дѣла примутъ совершенно иной оборотъ. Вмѣсто того, чтобы грабить булочныя, а на другой день онять голодать, возставшій народъ возьметъ въ

свои руки хлѣбные склады, бойни, магазины съѣстныхъ припасовъ—однимъ словомъ, всѣ имѣющіяся въ наличности пищевыя запасы.

Сейчасъ найдутся, добровольцы, мужчины и женщины, чтобы составить опись, инвентарь всего находящагося въ магазинахъ и складахъ, и черезъ двадцать четыре часа возставшая Коммуна будетъ знать, чего Парижъ не знаетъ до сихъ поръ, не смотря на всѣ етатистическіе комитеты, и чего онъ никогда не могъ узнать во время осады, а именно—сколько въ немъ находится съѣстныхъ припасовъ. А черезъ сорокъ восемь часовъ уже будутъ изданы въ милліонахъ экземпляровъ точные списки всѣхъ имѣющихся продуктовъ, указаны мѣста, гдѣ они находятся, и способы ихъ распредѣленія.

Въ каждой группѣ домовъ, въ каждой улицѣ, въ каждомъ кварталѣ организуются группы добровольцевъ для завѣдыванія съѣстными припасами, и они, конечно, сумѣютъ столкнуться между собою и сообщить другъ другу о результатахъ своей работы. Пусть только якобинскіе штыки не вмѣшиваются въ это дѣло, пусть только такъ-называемые „научные“ теоретики не пытаются вносить свою путаницу, или вѣриѣе—пусть себѣ запутываютъ мозги сколько угодно, лишь бы у нихъ не было права распоряжаться! Та удивительная способность къ свободной организаціи, которая свойственна въ высокой степени народу—особенно же народу французскому, во всѣхъ его общественныхъ слояхъ, и которой такъ рѣдко даютъ возможность проявиться,—создастъ, даже въ большомъ городѣ, какъ Парижъ, и даже въ самый разгаръ революціоннаго возбужденія, цѣлую естественно - выросшую организацію, имѣющую цѣлью доставить каждому необходимые припасы.

Пусть только предоставятъ народу свободу дѣйствія, и черезъ недѣлю распределеніе припа-

совъ будетъ происходить съ удивительною правильностью. Сомнѣваться въ этомъ можетъ только тотъ, кто никогда не видѣлъ рабочаго народа въ дѣйствіи, кто провелъ всю жизнь уткнувшись въ бумаги. Поговорите же объ организаторскомъ духѣ народа—этого великаго непризнаннаго генія—съ тѣмъ, кто видѣлъ его въ Парижѣ въ дни баррикадъ, во время Коммуны, или въ Лондонѣ, во время большой стачки въ гавани, когда приходилось прокармливать полъ-милліона голодныхъ людей, и они скажутъ вамъ, насколько народъ стоить въ этомъ отношеніи выше всѣхъ канцелярскихъ чиновниковъ!

Но если бы даже пришлось пострадать, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ недѣль или мѣсяца, отъ нѣкотораго относительнаго безпорядка—то, что же изъ этого? Для массы народа это будетъ во всякомъ случаѣ, лучше, чѣмъ то, что существуетъ теперь; да кромѣ того, во время Революціи—лишь бы чувствовалось, что революція идетъ впередъ, а не топчется на мѣстѣ,—люди обѣдаютъ, не жалуясь на то, кускомъ черстваго хлѣба, въ атмосферѣ ликованія или вѣрнѣе въ атмосферѣ горячихъ разсужденій! Во всякомъ случаѣ, то, что создается само собою, подъ давленіемъ непосредственныхъ потребностей, будетъ несравненно лучше того, что выдумываютъ гдѣ нибудь въ четырехъ стѣнахъ, за книгами, или въ канцеляріяхъ Городской Думы.

IV.

Силою вещей, такимъ образомъ, населеніе большихъ городовъ вынуждено будетъ завладѣть всѣми припасами и, переходя отъ болѣе простаго къ болѣе сложному, вынуждено будетъ взять на себя удовлетвореніе потребностей всѣхъ жителей. Чѣмъ скорѣе это сдѣлается, тѣмъ лучше: тѣмъ меньше будетъ нужды и внутренней борьбы.

Но затѣмъ совершенно естественно является вопросъ: на какихъ именно основаніяхъ органи-

W 301220

зуются люди для пользованія сообца этими продуктами?

Для того, чтобы распредѣленіе было справедливо, существуетъ только одинъ способъ—единственный, отвѣчающій чувствамъ справедливости, и вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствительно практичный. Это—та система, которая принята и теперь въ земельных общинахъ всей Европы.

Возьмите крестьянскую общину, гдѣ бы то ни было, даже во Франціи, хотя въ ней якобинцы сдѣлали все возможное, чтобы уничтожить общинные обычаи. Если, на примѣръ, община имѣетъ въ своемъ владѣніи лѣсъ, то, пока мелкаго лѣса достаточно, всякій имѣетъ право брать его сколько хочетъ, безъ всякаго другого учета, кромѣ общественнаго мнѣнія своихъ односельчанъ. Но же касается крупнаго лѣса, котораго никогда не бываетъ достаточно, то право cadaго жителя на крупныя лѣсины ограничено, т.-е. въ каждомъ случаѣ мѣръ долженъ рѣшить, сколько деревьевъ можно вырубить на каждый дворъ.

То же самое происходитъ и съ общинными лугами. Пока луговъ достаточно для всей общины, никто не учитываетъ того, сколько съѣли коровы cadaго или сколько коровъ пасется на лугу. Къ дѣлежу или къ ограниченію правъ cadaго жителя прибѣгаютъ лишь тогда, когда луга оказываются въ недостаточномъ количествѣ. Эта система практикуется во всей Швейцаріи и во многихъ общинахъ Франціи и Германіи—повсюду, гдѣ существуютъ общинные луга.

Если же вы обратитесь къ странамъ восточной Европы—на примѣръ къ Россіи, гдѣ и крупнаго лѣса достаточно, въ лѣсистыхъ областяхъ, и земли еще много (напр. въ Сибири), вы увидите, что крестьяне рубятъ и крушатъ деревья въ лѣсу въ такомъ количествѣ, какое имъ нужно, и обрабатываютъ столько земли, сколько для нихъ

М 304580

ИМПЕРАТОРСКАЯ БИБЛИОТЕКА
С. ПЕТЕРБУРГЪ
В. С. БИБЛИОТЕКА

необходимо, не думая еще объ ограниченіи права на лѣсъ или о дѣлежѣ земли. Но какъ только лѣса или земли становится мало, право каждаго на лѣсъ бываетъ ограничено, а земля дѣлится по потребностямъ каждой семьи.

Однимъ словомъ: пусть каждый беретъ сколько угодно всего, что имѣется въ изобиліи и получаетъ ограниченное количество только того, что приходится считать и дѣлить! На 350 милліоновъ людей, населяющихъ Европу, двѣсти милліоновъ и по сію пору слѣдуютъ этимъ двумъ, вполне естественнымъ приемамъ.

Замѣтимъ еще одно. Та же самая система господствуетъ и въ большихъ городахъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ одному продукту, который находится тамъ въ изобиліи: къ проведенной въ дома водѣ.

Пока воды въ водопроводахъ достаточно для всѣхъ домовъ и нечего бояться недостатка, никакой компаніи не приходитъ въ голову издавать законы насчетъ пользованія водою въ каждой семьѣ. Берите, сколько вамъ угодно. Если же является опасеніе, что воды въ Парижѣ не хватитъ, какъ это бываетъ во время сильной жары, компаніи очень хорошо знаютъ, что достаточно выпустить предостереженіе въ нѣсколькихъ строкахъ въ газетахъ, чтобы парижане тотчасъ же, безъ всякаго закона, сократили свое потребленіе воды и не тратили ее попусту.

Но что сдѣлали бы, если бы воды дѣйствительно не хватило? Тогда прибѣгли бы къ распредѣленію ея въ ограниченныхъ количествахъ. Это—такая естественная, такая понятная мѣра, что во время двухъ осадъ Парижа въ 1871-мъ году два раза требовали ея примѣненія ко всѣмъ жизненнымъ припасамъ.— „Le rationnement!“ „Все по порціямъ“ требовалъ тогда рабочій Парижъ.

Стоить ли входить въ подробности, описывать, какимъ образомъ эта мѣра могла бы дѣйствовать? Доказывать, что она—справедлива, несравненно справедливѣе всего, что существуетъ теперь? Эти подробности и эти описанія все равно не убѣдятъ тѣхъ буржуа—и, къ несчастью, не только буржуа, но и обуржуазившихся рабочихъ,—которые смотрятъ на народъ, какъ на стадо дикарей, готовыхъ тотчасъ же перегрызться, какъ только правительство перестанетъ охранять ихъ своимъ бдительнымъ окомъ. Но всякій, кто хоть когда-нибудь видѣлъ, какъ народъ рѣшаетъ свои собственныя дѣла, особенно когда надъ нимъ не тяготитъ палка исправника и податнаго инспектора, ни минуты не усомнится въ томъ, что разъ только ему будетъ исполнѣно предоставлено распредѣленіе продуктовъ, онъ будетъ руководиться въ этомъ дѣлѣ самымъ простымъ чувствомъ справедливости.

Попробуйте сказать въ какомъ-нибудь народномъ Собраніи, что жареныхъ рябчиковъ нужно предоставить избалованнымъ бездѣльникамъ изъ аристократіи; а черный хлѣбъ употребить на прокормленіе больныхъ въ больницахъ, и вы увидите, что васъ освищутъ. Но скажите въ томъ же самомъ собраніи, проповѣдуйте на всѣхъ перекресткахъ, что лучшая пища должна быть предоставлена слабымъ и прежде всего больнымъ: скажите, что, если бы во всемъ городѣ было всего десять рябчиковъ и одинъ ящикъ малаги, ихъ слѣдовало бы отнести выздоравливающимъ больнымъ, скажите это только...

Скажите, что за больными слѣдуютъ дѣти. Имъ пусть пойдетъ коровѣ и козѣ молоко, если его не достаетъ для всѣхъ. Пусть ребенокъ и старикъ получаютъ послѣдній кусокъ мяса, а взрослый здоровый человѣкъ удовольствуется сухимъ хлѣбомъ; если уже дѣло дойдетъ до такой крайности.

Скажите, однимъ словомъ, что если какихъ-нибудь припасовъ не имѣется въ достаточномъ количествѣ, и ихъ приходится распредѣлять, то послѣднія оставшіяся доли должны быть отданы тѣмъ, кто въ нихъ болѣе всего нуждается; скажите это—и вы увидите, что съ вами всѣ согласятся.

То, чего не понимаютъ сытые господа, отлично понимаетъ и всегда понималъ народъ: но и сами пресыщенные, если они завтра окажутся на улицѣ и придутъ въ соприкосновеніе съ массой, поймутъ это такъ же хорошо.

Теоретики, для которыхъ солдатская казарма и солдатскій котелокъ составляютъ послѣднее слово науки, потребуютъ, вѣроятно, немедленнаго введенія національной кухни и общей чечевичной похлебки, ссылаясь на то, сколько топлива и провизіи можно выгадать въ казарменной кухнѣ, откуда каждый будетъ получать свою порцію похлебки и хлѣба.

Мы, съ своей стороны, не отрицаемъ этихъ преимуществъ. Мы знаемъ, какъ много топлива и труда сберегло человѣчество, отказавшись сначала отъ ручной мельницы, а затѣмъ и отъ печи, гдѣ каждый пекъ свой хлѣбъ. Мы понимаемъ, что было бы экономнѣе сварить сразу щи на сто семействъ, чѣмъ разводить для этого сто отдѣльныхъ огней. Мы знаемъ точно такъ же, что, хотя есть множество различныхъ способовъ приготовленія картофеля, картофель все-таки будетъ нисколько не хуже, если его сварить предварительно въ одномъ котлѣ на всѣ сто семей.

Мы понимаемъ, наконецъ, что разнообразіе кухни состоитъ, главнымъ образомъ, въ индивидуальномъ характерѣ приготовленія блюда каждой хозяйкой, и что, если вся масса картофеля будетъ сварена вмѣстѣ, это нисколько не помѣшаетъ хозяйкамъ приготовить его затѣмъ, каждой по

своему вкусу. Точно такъ же изъ одного бульона можно приготовить сто различныхъ суповъ, на сто различныхъ вкусовъ.

Мы знаемъ все это и тѣмъ не менѣе утверждаемъ, что никто не имѣетъ права заставить хозяйку получать свой картофель варенымъ, если она предпочитаетъ сварить его въ *своемъ* котелкѣ, на *своемъ* огнѣ, и что лучше сжечь лишнихъ дровъ, чѣмъ заводить казарму, которая противна всякому свободомыслящему человѣку. Главное же, мы хотимъ, чтобы каждый могъ съѣсть свой обѣдъ гдѣ и какъ хочетъ—въ своей семьѣ, съ пріятелями, или же въ общей столовой, если ему это лучше нравится.

На мѣсто ресторановъ, въ которыхъ теперь отравляютъ посѣтителей всякою дрянью, несомнѣнно возникнутъ большія кухни. Въ Парижѣ хозяйки уже и теперь привыкли покупать бульонъ у мясниковъ и затѣмъ готовить изъ нихъ какой хотятъ супъ; точно такъ же въ Лондонѣ хозяйка знаетъ, что она можетъ дать зажарить кусокъ мяса или свой пирогъ съ яблокомъ или ревенемъ въ булочной, заплативъ за это нѣсколько копѣекъ и сберечь такимъ образомъ и время, и уголь. А когда общія кухни, которыя будутъ въ будущемъ соответствовать существовавшему въ былое время „общественнымъ печамъ“ *), перестанутъ быть мѣстомъ обмана, подделки и отравленія посѣтителей, то выработается и привычка брать изъ этихъ кухонь готовыми всѣ существенныя части обѣда, а затѣмъ уже только готовить ихъ окончательно по своему вкусу.

---

*) Fourbanal. Во Франціи до сихъ поръ въ деревняхъ, гдѣ сохранились общинные порядки, встрѣчается общинная печь, гдѣ хозяева по очереди пекутъ хлѣбъ. другая общественная печь для стирки, общественный прессъ для выдавливанія вина изъ винограда и т. д.

Но сдѣлать изъ этого законъ, вмѣнить каждому въ обязанность получать пищу въ готовомъ видѣ, значило бы навязать человѣку девятнадцатаго вѣка порядки, столь же противные ему, какъ и порядки казармъ и монастырей. Такія мысли рождаются только въ умахъ людей, въ корнѣ испорченныхъ правомъ командованія надъ другими или духомъ религіознаго подчиненія.

Но кто же будетъ имѣть право пользоваться принадлежащими общинѣ предуктами? Всѣ, или только часть гражданъ? Этотъ вопросъ возникаетъ, конечно, на первыхъ же порахъ.—Пусть только каждый городъ отвѣтитъ на это по своему,—и если народъ, масса, самъ рѣшитъ этотъ вопросъ, мы убѣждены, что его отвѣты будутъ внушены чувствомъ справедливости. Пока различныя отрасли труда не организованы, пока еще продолжается періодъ волненій, и нельзя отличить лѣниваго бездѣльника отъ человѣка не работающаго поневолѣ,—всѣ имѣющіеся въ наличности продукты должны принадлежать всѣмъ безъ исключенія. Тѣ, кто сопротивляется побѣдѣ народа съ оружіемъ въ рукахъ или устраивалъ противъ него тайныя заговоры, сами поспѣшатъ исчезнуть съ возставшей территоріи. Но мы думаемъ, что народъ,—всегда врагъ мѣсти и всегда великодушный,—будетъ дѣлиться хлѣбомъ со всѣми тѣми, кто будетъ находиться въ его средѣ—будетъ ли то экспроприаторы или экспроприированные. Революція отъ этого ничего не потеряетъ, а когда работа вновь начнется, недавніе враги встрѣтятся въ однихъ и тѣхъ же мастерскихъ. Обществу, гдѣ трудъ будетъ свободенъ, нечего будетъ бояться тунеядцевъ.

—„Но такимъ образомъ всѣ припасы истощатся въ теченіе мѣсяца“, слышатся уже намъ возраженія нашихъ критиковъ.

„И отлично!“ отвѣтимъ мы. Это только послужитъ доказательствомъ, что пролетарій, въ пер-

вый разъ въ жизни ѣлъ до-сыта. Что же касается способовъ пополнить израсходованные припасы, то именно этимъ вопросомъ мы и займемся теперь.

V.

Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ обезпечить свое продовольствіе городъ, въ которомъ социальная революція находится въ полномъ разгарѣ?

Мы постараемся отвѣтить на этотъ вопросъ, хотя, очевидно, что средства, къ которымъ нужно будетъ прибѣгнуть, будутъ зависѣть отъ характера, который приметъ революція въ сосѣднихъ странахъ. Если бы вся страна, или, еще лучше, вся Европа, могла произвести социальную революцію одновременно и сразу перейти къ коммунизму, то вопросъ рѣшился бы такимъ-то образомъ. Если же попытка установленія коммунистическаго строя будетъ сдѣлана изъ всей Европы лишь нѣсколькими городами, тогда придется избрать иные пути. Средства будутъ сависель отъ обстоятельствъ.

Поэтому, прежде чѣмъ итти дальше, бросимъ общій взглядъ на Европу и посмотримъ—вовсе не имѣя въ виду пророчествовать—каковъ можетъ быть, по крайней мѣрѣ въ существенныхъ чертахъ, ходъ Революціи.

Было бы, конечно, очень желательно, чтобы вся Европа возстала одновременно, чтобы повсюду произошла экспроприація, чтобы повсюду революціонеры руководились принципами коммунизма. Такое общее возстаніе значительно облегчило бы задачу, стоящую передъ нашимъ вѣкомъ.

Но, повсей вѣроятности, этого не будетъ. Что революція охватитъ всю Европу—въ этомъ мы не сомнѣваемся. Если какая-нибудь изъ четырехъ главныхъ континентальныхъ столицъ—Парижъ, Вѣна, Брюссель, или Берлинъ—возстанетъ и свергнетъ свое правительство, то можно почти навѣр-

ное сказать, что черезъ нѣсколько недѣль то же самое сдѣлають и три остальные. Очень вѣроятно также, что революція не заставитъ себя долго ждать и въ Италиі, и въ Испаніи, и даже въ Лондонѣ и Петербургѣ. Но будетъ ли она имѣть повсюду одинъ и тотъ же характеръ—въ этомъ можно сильно сомнѣваться.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что повсюду будетъ происходить экспроприація, въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ и что то, что совершится въ этомъ направленіи въ любой изъ большихъ европейскихъ странъ окажетъ вліяніе на всѣ остальные. Но начало революціи будетъ очень различно въ различныхъ мѣстностяхъ, точно такъ же какъ и ея дальнейшее развитіе не пройдетъ одинаково въ различныхъ странахъ. Въ 1789—93 годахъ потребовалось четыре года для того, чтобы французскіе крестьяне могли окончательно избавиться отъ выкупа феодальныхъ правъ, а буржуазія—свергнуть королевскую власть. Будемъ помнить это и будемъ готовы къ тому, что социальная революція потребуетъ для своего развитія нѣкотораго времени, и что она будетъ развиваться не вездѣ съ одинаковою скоростью.

Что же касается того, приметъ ли она съ самаго же начала во всѣхъ европейскихъ странахъ дѣйствительно социалистическій характеръ, то въ этомъ тоже можно сомнѣваться. Вспомнимъ, что Германія находится въ самомъ разгарѣ періода единой имперіи, и что ея самыя передовыя партіи мечтаютъ еще объ яacobинской республикѣ 1848 года и объ „организациі труда“ Луи Влана, тогда какъ во Франціи народъ требуетъ по крайней мѣрѣ свободныхъ, если не коммунистическихъ Коммунъ.

Что Германія пойдетъ въ будущей революціи дальше, чѣмъ пошла Франція въ 1848 году, это тоже очень вѣроятно. Когда въ восемнадца-

томъ вѣкѣ Франція сдѣлала свою буржуазную революцію, она пошла дальше, чѣмъ Англія въ семнадцатомъ вѣкѣ, потому что вмѣстѣ съ королевской властью, она уничтожила и власть земельной аристокраціи, которая въ Англіи и теперь еще пользуется громаднѣйшею силою. Но если даже Германія пойдетъ нѣсколько дальше, чѣмъ пошла Франція въ 1848 году, и осуществитъ больше, чѣмъ тогда удалось осуществить во Франціи, то въ началѣ революціи руководящія идеи всетаки будутъ идеями 1848 года, точно такъ же, какъ идеи, которыя будутъ руководить русской революціей, будутъ идеями 1789-го года, видоизмѣнными до извѣстной степени умственными теченіями нашего вѣка.

Не приписывая, впрочемъ, этимъ догадкамъ большаго значенія, чѣмъ онѣ заслуживаютъ, мы можемъ тѣмъ не менѣе сдѣлать изъ нихъ слѣдующій выводъ: революція приметъ въ различныхъ европейскихъ странахъ различный характеръ, и уровень, котораго она достигнетъ по отношенію къ социализаціи продуктовъ, не будетъ вездѣ одинаковымъ.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что страны болѣе передовыя должны приспособляться въ своемъ движеніи къ странамъ болѣе отсталымъ, какъ думаютъ нѣкоторые? Нужно ли ждать, пока идея коммунистической революціи созрѣетъ у всѣхъ народовъ? Конечно, нѣтъ! Да если бы мы даже этого хотѣли, это было бы невозможно: исторія не ждетъ запоздавшихъ.

Съ другой стороны, мы не думаемъ, чтобы даже въ одной и той же странѣ революція произошла съ такою стройностью, о какой мечтаютъ нѣкоторые нѣмецкіе и русскіе социалисты. Очень вѣроятно, что если одинъ или два изъ большихъ городовъ Франціи—Парижъ, Ліонъ, Марсель, Лиль, Сентъ-Этьенъ или Бордо,—провозгласятъ Комму-

ну, то и другіе тотчасъ же послѣдуютъ ихъ примѣру, и то же самое произойдетъ еще въ нѣсколькихъ, менѣе крупныхъ городахъ. Нѣкоторые каменноугольные и промышленные центры, точно такъ же, вѣроятно, не замедлятъ, отпустить своихъ хозяевъ и организовать въ свободныя группы.

Но по деревнямъ многія мѣстности еще не дошли до этой ступени развитія: рядомъ съ возставшими общинами будутъ и такія, которыя останутся въ выжидательномъ положеніи и будутъ продолжать жить при индивидуалистическихъ порядкахъ. Но когда крестьяне увидятъ, что ни судебный приставъ, ни сборщикъ податей не являются требовать съ нихъ налоговъ, они не будутъ относиться къ революціонерамъ враждебно (какъ это было при Республикѣ въ 1848 году), а напротивъ того, извлекутъ все, что смогутъ, изъ новаго положенія и начнутъ сводить свои счета съ мѣстными эксплуататорами. Со свойственнымъ всѣмъ крестьянскимъ возстаніямъ практическимъ смысломъ (вспомнимъ только, съ какимъ усердіемъ крестьяне, въ 1792-мъ году обрабатывали земли, отнятыя ими у помѣщиковъ, заграбившихъ мірскія земли), они примутся за обработку земли, своей и отнятой у мѣстныхъ богачей, манастырей, и т. д., которая станетъ имъ тѣмъ болѣе дорога, что надъ ней не будетъ тяготѣть никакихъ налоговъ и закладныхъ процентовъ.

Что касается внѣшнихъ сношеній съ другими странами, то повсюду въ Европѣ и Америкѣ будетъ царить революція, но революція въ различныхъ видахъ: въ одномъ мѣстѣ унитарная, въ другомъ федералистическая и повсюду, болѣе или менѣе, социалистическая. Единообразія, конечно, не будетъ и быть не можетъ.

VI.

Но вернемся къ нашему возставшему городу и посмотримъ, при какихъ условіяхъ придется ему заботиться о своемъ продовольствіи.

Прежде всего является вопросъ, гдѣ взять нужные припасы, если вся нація еще не пришла къ коммунистическому строю?

Возьмемъ какой-нибудь большой французскій городъ, хотя бы столицу Франціи. Парижъ потребляетъ ежегодно милліоны пудовъ хлѣба, 350.000 быковъ и коровъ, 200.000 телятъ, 300.000 свиней и больше 2.000.000 барановъ, не считая другой живности. Кромѣ того, ему требуется еще около полумилліона пудовъ масла и до двухъ сотъ милліоновъ яицъ и все остальное въ соотвѣтственныхъ количествахъ.

Мука и хлѣбъ привозятся изъ Франціи, изъ Соединенныхъ Штатовъ, изъ Россіи, изъ Венгріи, изъ Италіи, изъ Египта, изъ Индіи; скотъ—изъ Германіи, Италіи, Испаніи, даже изъ Румыніи и изъ Россіи. Что же касается до бакалейныхъ товаровъ, то нѣтъ страны въ мірѣ, которая не присылала бы въ Парижъ свою дань.

Посмотримъ прежде всего, какимъ образомъ можно будетъ устроить доставку въ Парижъ или во всякій другой большой городъ, тѣхъ припасовъ, которые выращиваются въ французскихъ деревняхъ, и которые крестьяне съ величайшей охотой пустятъ въ обращеніе.

Для государственниковъ этотъ вопросъ не представляетъ никакихъ затрудненій. Они прежде всего ввели бы сильно централизованное правительство, вооруженное всеми принудительными средствами: полиціей, арміей, гильотиной. Это правительство распорядилось бы составить списокъ всего, что производится во Франціи, раздѣлило бы всю страну на извѣстное число продовольственныхъ округовъ и *повелѣло-бы*, чтобы такой-

то продуктъ, въ такомъ-то количествѣ, былъ бы привезенъ въ опредѣленный день въ опредѣленное мѣсто, на опредѣленную станцію, былъ принятъ такимъ-то чиновникомъ, сложенъ в такой-то складъ и т. д.

Мы же вполне убеждены въ томъ, что такое рѣшеніе вопроса не только не желательно, но и совершенно не осуществимо, что оно не болѣе, какъ чистая фантазія,—утопія. Можно мечтать о такомъ порядкѣ вещей, сидя у себя дома, съ перомъ въ рукахъ, но на практикѣ онъ оказывается физически невозможнымъ, такъ какъ совершенно забывается, живущій въ человѣкѣ духъ независимости. Послѣдствіемъ такого, яко-бы порядка былъ-бы всеобщій бунтъ: не только одна Вандея, но цѣлыхъ три или четыре,—война деревень противъ городовъ, возстаніе всей Франціи противъ того города, который осмѣлился бы навязать ей подобные приказы*).

Довольно съ насъ якобинскихъ утопій! Посмотримъ, нельзя ли устроиться какъ-нибудь иначе.

Въ 1793-мъ году деревня морила голодомъ большіе города и убила этимъ революцію. А между тѣмъ извѣстно, что урожай хлѣбовъ во Франціи въ 1792—93 годахъ не былъ меньше обыкновеннаго; и есть основаніе думать (Мишле), что онъ былъ даже больше. Но, завладѣвъ значительною частью помѣщичьихъ земель и собравъ съ съ нихъ урожай, деревенская буржуазія не хотѣ-

---

*) Якобинскіе историки рассказываютъ, что Вандейское возстаніе было всецѣло дѣломъ поповъ и королевцевъ. Но правда на счетъ этого далеко еще не выяснена. Несомнѣнно, что Вандейскіе крестьяне поднялись, главнымъ образомъ, противъ военныхъ наборовъ, противъ закона, въ силу котораго общинныя, мірскія земли, имѣвшіяся въ каждой деревнѣ, должны были быть подѣлены поголовно, между одними „лошадными“ хозяевами,—вообще противъ города, глупо распорядившагося деревней.

ла продавать свой хлѣбъ за ассигнаціи, которыя Революція пустила въ обращеніе, а держала его у себя въ ожиданіи повышенія цѣнъ или появленія золотой монеты. И никакія самыя строгія мѣры, принимавшіяся Конвентомъ съ цѣлью *заставить* продавать хлѣбъ, никакія казни не могли ничего подѣлать съ этой стачкой крестьянъ противъ городовъ. Между тѣмъ комиссары Конвента какъ извѣстно, не церемонясь, гильотинировали спекулянтовъ, а народъ вѣшалъ ихъ на фонаряхъ, и все-таки хлѣбъ оставался въ деревняхъ, тогда какъ городское населеніе голодало.

Но что предлагали въ то время крестьянскому населенію въ вознагражденіе за его тяжелый трудъ?

Ассигнаціи! Клочки бумаги, цѣна на которые падала съ каждымъ днемъ, на которыхъ стояла цифра въ пятьсотъ ливровъ, когда они въ действительности не стояли и десяти. За билетъ въ тысячу ливровъ нельзя было купить даже пару сапогъ, и очень понятно, что крестьянинъ не хотѣлъ отдавать трудъ цѣлаго года за кусокъ бумаги, который не далъ бы ему даже возможности купить новую блузу.

И до тѣхъ поръ, пока крестьянину будутъ предлагать не имѣющіе цѣнности клочки бумаги — будутъ ли это ассигнаціи или „трудовые чеки“, — будетъ повторяться то же самое. Припасы будутъ оставаться въ деревняхъ, и городъ ихъ не получить, сколько бы ни гильотинировали и ни топили крестьянъ.

Крестьянину нужно предлагать не бумаги, а такіе предметы, въ которыхъ онъ непосредственно нуждается: вѣялку и косилку, въ которыхъ онъ теперь отказываетъ себѣ, скрѣпя сердце; одежду, которая защитила бы его отъ непогоды; лампу и керосинъ, чтобы замѣнить его лучину; заступъ, грабли, плугъ, — однимъ словомъ все то,

чего онъ лишенъ теперь, не потому, чтобы онъ не чувствовалъ потребности въ этомъ, а потому что въ его жизни, полной лишений и тяжелаго труда, множество предметовъ недоступно для него по своей цѣнѣ.

Пусть городъ примется тотчасъ же за производство того, что необходимо крестьянину, вмѣсто того, чтобы выдѣлывать разныя бездѣлушки для украшенія дамскихъ туалетовъ. Пусть парижскія швейныя машины шьютъ, вмѣсто приданныхъ для куколъ, рабочія и праздничныя одежды для крестьянина; пусть заводы займутся выдѣлкой земледѣльческихъ машинъ, заступовъ и грабель, вмѣсто того, чтобы ждать, пока англичане пришлютъ эти вещи въ обмѣнъ на французское вино!

Пусть городъ пошлетъ въ деревню не комиссара, опоясаннаго краснымъ или разноцвѣтнымъ шарфомъ, съ приказомъ везти припасы въ такое-то мѣсто, а пусть пошлетъ туда друзей, братьевъ, которые скажутъ крестьянамъ: „Привезите намъ свои продукты и берите изъ нашихъ складовъ все, что хотите“. Тогда жизненные припасы будутъ стекаться въ городъ со всѣхъ сторонъ. Крестьянинъ оставитъ себѣ то, что ему нужно для собственнаго существованія, а остальное отошлетъ городскимъ рабочимъ, въ которыхъ онъ — *въ первый разъ во есей исторіи* — увидитъ не эксплуататоровъ, а братьевъ.

Намъ скажутъ, можетъ быть, что это требуетъ полнаго переустройства общества. Для нѣкоторыхъ отраслей несомнѣнно такъ. Но есть множество такихъ отраслей, которыя смогутъ очень быстро приспособиться къ тому, чтобы доставлять крестьянину одежду, часы, мебель, утварь и простыя машины, за которыя теперь городъ заставляетъ такъ дорого платить. Ткачи, портные, сапожники, жестянники, столяры и многіе другіе могутъ

безъ всякаго затрудненія оставить производство предметовъ забавы и роскоши, ради труда полезнаго. Нужно только, чтобы люди прониклись мыслью о необходимости такого преобразованія, чтобы они смотрѣли на него, какъ на дѣло справедливое и прогрессивное и перестали предаваться любимымъ мечтаніямъ теоретиковъ—о томъ, что *„революція должна ограничиться завладеніемъ прибавочною стоимостью, оставивъ въ прежнемъ видѣ производство и торговлю“*.

Именно въ этомъ заключается, по нашему мнѣнію, весь вопросъ—въ томъ, чтобы предложить крестьянину въ обмѣнъ на его продукты не клочки бумаги, --что бы ни было на нихъ написано, — а *самые предметы* потребленія, въ которыхъ онъ нуждается. Если это будетъ сдѣлано, жизненные припасы будутъ отовсюду стекаться въ город. Если этого не будетъ—мы будемъ имѣть въ городахъ голодъ со всѣми его послѣдствіями: реакціей и подавленіемъ революціоннаго движенія.

VII.

Мы уже видѣли, что всѣ большіе города получаютъ хлѣбъ, муку, мясо, не только изъ провинціи, но изъ-за границы. Въ Парижъ изъ-за границы присылаются бакалейные товары, пряности, рыба, различные продукты, составляющіе предметъ роскоши, и значительное количество хлѣба и мяса.

Но во время Революціи на заграничный ввозъ нельзя будетъ рассчитывать, или по крайней мѣрѣ, придется полагаться какъ можно меньше. Если теперь русскій хлѣбъ, итальянскій или индійскій рисъ, а также испанскія и венгерскія вина наполняютъ западно-европейскіе рынки, то это происходитъ не отъ того, что въ странахъ, вывозящихъ ихъ, этихъ продуктовъ слишкомъ много, или что они растутъ тамъ сами безъ труда, какъ сорная трава въ полѣ. Въ Россіи, напри-

мѣръ, крестьянинъ работаетъ по шестнадцать часовъ въ сутки и голодаетъ отъ трехъ до шести мѣсяцевъ въ году, чтобы продать свой хлѣбъ на вывозъ и заплатить подати помѣщику и государству. Какъ только хлѣбъ собранъ, полиція уже является въ русскія села и продаетъ у крестьянина послѣднюю корову, послѣднюю лошадь, въ уплату недоимокъ и выкупныхъ платежей — если только крестьянинъ самъ уже не продалъ своего урожая скупщику, на вывозъ за границу. Такимъ образомъ крестьянинъ оставляетъ сабѣ хлѣба на девять, на шесть мѣсяцевъ, а остальное продаетъ, чтобы его корову не продали чиновники за три рубля. А затѣмъ, чтобы прожить до новаго урожая—въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ хорошей годъ и полгода въ плохой годъ —онъ примѣшиваетъ лебеду въ свой хлѣбъ, въ то время какъ въ Лондонѣ лакомятся бисквитами изъ его муки. Теперь хорошо извѣстно изъ самихъ казенныхъ статистикъ, что если бы изъ Европейской Россіи не вывозили ни одного пуда ржи и пшеницы, то ихъ было бы ровно столько, сколько нужно на прокормленіе населенія.

Но какъ только произойдетъ революція въ Россіи, русскій крестьянинъ оставитъ свой хлѣбъ для себя и для своихъ дѣтей. Итальянскіе и венгерскіе крестьяне сдѣлаютъ то же самое, и будемъ надѣяться, что этому примѣру послѣдуютъ и индусы. Даже въ Америкѣ производство пшеницы сократится, если только и тамъ начнется рабочее движеніе. Слѣдовательно, на привозъ хлѣба и кукурузы изъ-за границы плохой будетъ расчетъ.

Вся наша буржуазная цивилизація основана на эксплуатаціи низшихъ расъ и странъ съ отсталою промышленностью, и первымъ благодѣяніемъ революціи будетъ то, что она позволитъ освободиться этимъ, такъ называемымъ, низшимъ расамъ, отъ ихъ яко бы цивилизованныхъ благодѣ-

телей. Но это освобождение будетъ имѣть послѣд-
ствіемъ значительное уменьшеніе притока жиз-
ненныхъ припасовъ въ большіе западно-европей-
скіе города.

* *
*

Относительно внутреннихъ дѣлъ предсказать
что-нибудь оказывается труднѣе.

Съ одной стороны крестьянинъ несомнѣнно
воспользуется революціей, распрямить свою спину,
согнутую надъ землею. Въмѣсто того, чтобы рабо-
тать по четырнадцати и шестнадцати часовъ, какъ
теперь, онъ совершенно справедливо захочетъ от-
дыхать половину этого времени, что можетъ по-
вести къ уменьшенію производства главныхъ жиз-
ненныхъ продуктовъ—хлѣба и мяса.

Но съ другой стороны, производство, на обо-
ротъ, усилится отъ того, что крестьянину не при-
дется больше работать на тунеядцевъ. Будутъ
разсчищены новыя земли, будутъ пущены въ ходъ
новыя совершенныя машины.— „Никогда еще зем-
ля не была такъ хорошо вспахана, какъ въ 1792
году, когда крестьянинъ получилъ ту землю, ко-
торой такъ давно желалъ“, говоритъ Мишле въ
своей исторіи Великой Революціи.

Черезъ очень короткій промежутокъ време-
ни, когда усовершенствованныя машины и хими-
ческое и осякое другое удобреніе станутъ до-
ступны общинамъ, каждый крестьянинъ сможетъ
вести усовершенствованную, усиленную, интен-
сивную культуру. Но въ началѣ есть основаніе ду-
мать, что, какъ во Фрянціи, такъ и въ другихъ
странахъ, произойдетъ уменьшеніе количества
земледѣльческихъ продуктовъ.

Благодаримнѣе поэтому предполагать, что
привозъ продуктовъ, какъ изъ мѣстностей внутри
страны, такъ и изъ-за границы, въ общемъ умень-
шится.

Какъ же пополнить этотъ недостатокъ?

Очень просто: Замѣнить недостающее собственными силами. Нечего искать въ туманѣ разрѣшенія вопроса, когда оно такъ просто.

Большіе города должны заняться обработкой земли, подобно деревнямъ. Нужно вернуться къ тому, что называется въ біологіи „интеграціей функцій“. Послѣ того, какъ установлено раздѣленіе труда, приходится „интегрировать“ соединять; таковъ ходъ вещей во всей природѣ.

Впрочемъ, помимо всякой философіи, самое теченіе событій несомнѣнно приведетъ къ этому. Если только Парижъ узнаетъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ долженъ остаться безъ хлѣба, онъ займется обработкой земли.

Но откуда взять землю?—Въ землѣ недостатка не будетъ. Большіе города, а Парижъ въ особенности—окружены парками богатыхъ собственниковъ, милліонами десятинъ, которые только и ждуть, чтобы разумный трудъ земледѣльца превратилъ ихъ въ плодородныя поля, гораздо болѣе плодородныя, чѣмъ южно-русскія степи, покрытыя черноземомъ, но выжженные солнцемъ.

Рабочія руки? Но чѣмъ же будутъ заниматься два милліона парижанъ, когда имъ не нужно будетъ наряжать и занимать русскихъ князей, румынскихъ бояръ и женъ берлинскихъ финансистовъ?

Благодаря созданнымъ нашимъ вѣкомъ машинамъ благодаря уму и техническимъ знаніямъ рабочихъ, опытныхъ въ дѣлѣ пользованія усовершенствованными орудіями, имѣя къ своимъ услугамъ изобрѣтателей, химиковъ, ботаниковъ, профессоровъ въ Jardin des Plantes и огородниковъ изъ Gennevilliers*) пользуясь всеми средствами для увеличенія числа существующихъ машинъ и испробованія новыхъ; наконецъ, благодаря организаторскому духу, энергіи и предприимчивости парижскаго населенія—земледѣльческій трудъ па-

рижской анархической коммуны будетъ совершенно иной, чѣмъ работа современныхъ крестьянъ гдѣ-нибудь въ Арденнахъ.

Парь, электричество, солнечная теплота и сила вѣтра очень скоро будутъ пущены въ дѣло. Паровые плуги, машины для очистки земли отъ камней быстро выполнять всю подготовительную работу, и земля, размягченная и удобренная, будетъ только ждать разумнаго труда человѣка—особенно женщины—чтобы покрыться тщательно выращенными растеніями, которыхъ будутъ снимать по три и по четыре жатвы въ годъ.

Учась садоводству подъ руководствомъ опытныхъ спеціалистовъ, имѣя возможность пробовать на спеціально отведенныхъ мѣстахъ всевозможные способы обработки, соперничая между собою для достиженія наилучшихъ результатовъ и при этомъ черпая въ физическомъ трудѣ—не въ непосильномъ и чрезмѣрномъ трудѣ—тѣ силы, которыхъ такъ часто не хватаетъ жителямъ большихъ городовъ, мужчины, женщины и дѣти съ радостью займутся полевыми работами, которыя перестанутъ быть каторжнымъ трудомъ и превратятся въ удовольствіе, въ праздникъ, въ обновленіе человѣческаго существа.

„Безплодныхъ земель нѣтъ! Чего стоитъ человѣкъ, того стоитъ земля!“ таково послѣднее слово современнаго земледѣлія. Земля даетъ все, чего отъ нея потребуютъ; нужно только требовать умѣючи.

На практикѣ, даже такой небольшой территоріи, какъ два округа—Сены и Сены съ Уазой—было бы достаточно для того, чтобы пополнить

---

*) Gennevilliers — громадныя поля около Парижа, орошаемая водою изъ водосточныхъ трубъ, на которыхъ тысячи огородниковъ разводятъ всевозможныя овощи, сбываемыя въ Парижъ и вывозимыя даже въ Англію.

недостачи, вызванные революціей, даже въ такомъ большомъ городѣ, какъ Парижъ.

Коммунистическая община, если она рѣшительно станетъ на путь экспроприаціи, несомнѣнно приведетъ насъ къ этому соединенію земледѣлія съ промышленностью, — къ тому, что что вѣкъ будетъ заниматься и тѣмъ и другимъ одновременно.

Пусть только она вступитъ на этотъ путь: съ голоду она уже навѣрное не погибнетъ! Опасность лежитъ вовсе не въ этомъ: она лежитъ въ умственной трусости, въ предразсудкахъ, въ полумѣрахъ.

Опасность тамъ, гдѣ ее видѣлъ Дантонъ, когда говорилъ Франціи: „Смѣлости, смѣлости, больше смѣлости!“ — особенно смѣлости умственной, за которой не замедлитъ послѣдовать и смѣлость воли.

